

Уральский рабочий
г. Свердловск

13 СЕН 1963

Федор
Иванович
ШАЛЯПИН

К 90-летию со дня рождения

НАСТОЯЩЕЕ искусство сильнее времени. Вот почему до сих пор так волнует этот мягкий, богатый оттенками голос, который то зазвучит вдруг раскатисто и раздольно, то захлебнется в трагическом порыве больших страстей.

Слушаешь щедрое, умное пение, и перед глазами встает целая галерея образов. Измучено внутренними терзаниями лицо царя Бориса... В ехидной елейной улыбке расплылся коварный Дон Базилио... Печально и грустно смотрит на мир чужаковский Дон-Кихот... А сколько дьявольского огня и силы в могучей фигуре Мефистофеля...

Сусанин и Демон, Еремка и Иван Грозный, Фарлаф и Варяжский гость... Всего не перечислить. Даже не верится, что все это по силам одному человеку, одному артисту.

И тем не менее голос подтверждает невероятное. Да, и Годунов, и Демон, и Базилио были рождены талантом одного человека, замечательного русского актера Федора Ивановича Шалыпина. Он был наделен огромным талантом и трудолюбием, в нем счастливо сочетались дарование певца, драматического актера, художника, режиссера... Не случайно А. М. Горький писал о Шалыпине:

— В русском искусстве Шалыпин — эпоха, как Пушкин.

Действительно, с именем великого певца связаны лучшие достижения русской музыкальной культуры. Шалыпин пришел в искусство трудным путем лишений и невзгод и никогда, наверное, не искал поэтому путей проторенных и легких. Пел ли он на сцене Московской частной оперы Саввы Мамонова или на прославленной сцене Большого театра в Москве, выступал ли в спектаклях Мариинского театра или итальянской оперы Ла-Скала, — он везде оставался верным лучшим традициям русского реалистического искусства, покоряя слушателей проникновенным пением и правдой переживания. Шалыпин великолепно и тонко чувствовал своеобразие музыки Глинки, Чайковского, Даргомыжского, Верди... Ему одиноково удавалась оперная драма, романс или народная песня. И это не удивительно. Источник вдохновения актер черпал в народе, его искусство...

Потому-то, покинув Родину (это случилось в 1922 году), Шалыпин уже не смог создать ничего нового и столь же значительного, как раньше. Незадолго до смерти он сам понял смысл своих трагических ошибок. Его последние слова были о России, куда он так и не успел вернуться.

Но пение Шалыпина, его вдохновенное мастерство остались с нами. Вновь и вновь напоминают они миру о могучем, неиссякаемом таланте русского человека.

На снимке: Ф. И. Шалыпин.

Свердловский актер вспоминает...

На пожелтевшей от времени афише огромными буквами — легендарное имя — Шалыпин. Дата — 11 марта 1915 года, Киев.

Эта афиша хранится у старого певца Василия Герасимовича Ухова. В числе участников спектакля

«Фауст», в котором пел Ф. И. Шалыпин, значится и фамилия В. Г. Ухова. Он исполнял партию Валентина.

Позже, в 1916 году, в Москве, в частной опере Зимина, В. Г. Ухов еще раз пел с Шалыпиным. Василия Герасимовича вызвали из Киева телеграммой.

Этот второй спектакль с Шалыпиным, «Севильский цирюльник», прошел успешно. Шалыпин, всегда требовательный к своим партнерам, после первого акта сказал Ухову: «Браво, Фигаро».

Похвала Шалыпина — это была высшая оценка для певца.

— Увидев и услышав первый раз Шалыпина в «Борисе Годунове», я был потрясен. «Скорбит душа, какой-то трепет тайный...» — пел Шалыпин, и этот трепет ощущали все, кто его слушал. И тогда я выбрал: пение, — говорит В. Г. Ухов.